Биография М. А. Шолохова пока не написана. Предстоит еще многое открыть и осмыслить в этой великой трагической судьбе, сполна разделившей судьбу своего народа, вобравшей в себя муки и радости отпущенного ей Времени.

Ряд последних публикаций позволяет сегодня восстановить отдельные логические звенья в разрозненной цепи фактов, относящихся к концу 20-х и к 30-м годам, наиболее «белым пятнам» биографии писателя. Познакомим читателей с хроникой одного только 1929 года, отдаленного от нас шестью десятилетиями. Даже скупое изложение фактов и документальных свидетельств в их событийной последовательности впечатляет воображение, дает ясное представление о том, сколь драматично складывалась творческая и личностная судьба писателя в самом начале его пути. «Год великого перелома», каким вошел 1929 год в историю Советского государства, оказался переломным и в жизни М. А. Шолохова.

Один год жизни Шолохова

1929-й

В тот год ему исполнилось 24 года...

Каким же был он тогда?

К 1929 году Шолохов — уже известный писатель, автор двух книг рассказов и двух книг романа «Тихий Дон».

В январе—феврале 1929 года журнал «Октябрь», выполняя договорные обязательства, начал печатать продолжение романа «Тихий Дон»* — третью книгу, посвященную, как известно, Вешенскому восстанию 1919 года. Основываясь на исторических документах и на живой еще памяти недавнего прошлого, Шолохов дал правдивый художественный рассказ о трагических событиях, происшедших на Верхнем Дону в конце 1918—начале 1919 гг., о причинах массового истребления казачества, о провокаторской роли в этих событиях председателя Реввоенсовета республики Л. Троцкого и непосредственных исполнителей его «революционных» приказов, «вождей» Реввоенсовета Южного фронта и Донбюро РКП(б).

В мартовской книжке журнала печатаются X, XI, XII главы третьей книги романа. Последние страницы этой публикации заканчивались сценой митинга в станице Вешенской осенью 1918 года, на котором трудовые казаки внимательно прислушиваются к воззваниям Советской власти, обещавшим мир и прощение всем, кто прекратит вооруженную борьбу.

Мартовская публикация романа заканчивалась обычной пометкой редакции: «Продолжение следует».

Однако продолжения не последовало. Неожиданно в журнал поступило распоряжение от руководства РАПП приостановить печатание романа Шолохова, а рукопись срочно передать в правление писательской организации для изучения.

Что же случилось? Что необходимо было изучить в рукописи, которая шла полным ходом?.. Кому это понадобилось?..

Из записей Е. Г. Левицкой** конца 20-х годов: «Боже мой, какая поднялась вакханалия клеветы и измышлений по поводу «Тихого Дона» и по адресу автора! С серьезными лицами, таинственно понижая голос, люди, как будто бы вполне «приличные» — писатели, критики — не говоря уж об обывательской публике — передавали «достоверные» истории: Шолохов, мол, украл рукопись у какого-то белого офицера — мать офицера, по одной версии,— приходила в газ. «Правда» — или в ЦК, или в РАПП и— просила защиты прав ее сына, написавшего такую замечательную книгу... На всех литературных перекрестках чернили и клеветали автора «Тихого Дона».

«Вакханалия клеветы», поднятая еще в 1928 году (в ходе публикации второй книги романа), достигла такого острого накала к марту 1929 года, что «стойко переносить» эту травлю уже было нельзя.

Писатель приезжает из Вешенской в Москву с рукописями своих произведений — от «Донских рассказов» до набросков четвертой книги «Тихого Дона». Расследование «дела Шолохова» поручается комиссии в составе А. Серафимовича, А. Фадеева, В. Ставского и других. Горький, до которого в Сорренто дошли слухи об этой «непонятной истории», озабоченно спрашивал в своих письмах в Москву: «Дело Шолохова разъяснилось?».

29 марта 1929 года в «Правде» публикуется письмо писательской комиссии со следующим заключением (текст печатается почти полностью, так как его содержание не утратило актуальности и сегодня — **Л. Б.**):

«В связи с тем заслуженным успехом, который получил роман пролетарского писателя Шолохова «Тихий Дон», врагами пролетарской диктатуры распространяется злостная клевета о том, что роман Шолохова является якобы плагиатом с чужой рукописи, что материалы об этом имеются якобы в ЦК ВКП(б) или в прокуратуре (называются также редакции газет и журналов).

Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении. Всякий, даже не искушенный в литературе читатель, знающий изданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для тех его ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей.

Пролетарские писатели, работавшие не один год с т. Шолоховым, знают весь его творческий путь, его работу в течение нескольких лет над «Тихим Доном», материалы, которые он собирал и изучал, работая над романом, черновики его рукописей.

Никаких материалов, порочащих работу т. Шолохова, нет и не может быть в указанных выше учреждениях. Их не может быть и ни в каких других учреждениях, потому что материалов таких не существует в природе.

Однако мы считаем необходимым выступить с настоящим письмом, поскольку сплетни, аналогичные этой, приобретают систематический характер, сопровождая выдвижение почти каждого талантливого пролетарского писателя...

Чтобы неповадно было клеветникам и сплетникам, мы просим литературную и советскую общественность помочь нам в выявлении «конкретных носителей зла» для привлечения их к судебной ответственности».

Как свидетельствует история, «конкретные носители зла» не только не были привлечены к судебной ответственности, но и по сей день не «выявлены». А «дело Шолохова», возникшее весной 1929 года и длившееся на протяжении всей жизни писателя, все еще не закрыто.

Версия о плагиате, как и другие доносы, сочинялась и подбрасывалась обществу теми, кто боялся разоблачений, кто пытался любыми

средствами похоронить, скрыть от народа правду о событиях гражданской войны на Дону, об ошибках политики «расказачивания», граничащих с преступлением. Страх разоблачения был слишком реален в те годы — в партии завершался идейный разгром троцкизма, увенчавшийся высылкой в 1929 г. «демона революции» из пределов Советского Союза. Таким образом, молодой писатель с Тихого Дона, который избрал служение правде своим творческим и жизненным принципом, оказался в эпицентре политических страстей и страхов, направлявших в те годы жизнь общества и отдельные человеческие судьбы.

В марте—апреле, во время пребывания Шолохова в Москве, в издательстве «Московский рабочий» выходит вторая книга «Тихого Дона» в серии «Новинки пролетарской литературы». В тонкой бумажной синей обложке с грифом «Российская ассоциация пролетарских писателей». Тираж —10 тыс. экземпляров. Это было второе издание (первое вышло в «Роман-газете» с подзаголовком «Казачество на войне»). Молодой автор сделал тогда несколько автографов на книге для своих московских друзей.

Факт выхода книги был отрадным для молодого автора, но слишком омрачен искусственно созданными против него обстоятельствами.

В апреле Михаил Шолохов возвращается в Вешенскую с рукописью третьей книги романа в надежде «частично переработать» ее (по его собственным словам). Однако начавшаяся в стране осенью 1928 года кампания по хлебозаготовкам вплотную приблизилась весной 1929 года к Верхнему Дону и надолго отвлекла писателя от творческого труда.

14 мая в письме к Е. Г. Левицкой он сообщает: «Мое молчание объясняется тем, что я вот уже две с лишним недели как мотаюсь в поездках... Все это по делам не литературным, но весьма важным... Изъездил около 500 верст на лошадях, поздоровел душой и телом...»

«Поздоровел душой» — это после пережитого в Москве, но его душе предстояли новые испытания, теперь уже в родном краю.

Для оперативного проведения хлебозаготовок на Северном Кавказе, куда входила и Донская область, были объявлены «чрезвычайные меры» с усилением административного нажима на крестьянство. В районах, на местах, создавались так называемые «чрезвычайные тройки», которым предоставлялось право ареста за невыполнение приказаний начальства. Хлеб забирался не только у кулака, но и у середняка, и у совсем бедных крестьян.

Из письма Шолохова Е. Г. Левицкой:

«18 июня 1929 года... Вешенская...

... вот уже полтора месяца, как творятся у нас нехорошие вещи. Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу побоку!), и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко «скорблю душой».

Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб везет — невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно вещали о «победах» на всех фронтах, о тесном союзе с «освобожденным казачеством»...

А Вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ зверее, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. И как следствие умело проведенного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд...

Мне не хочется приводить примеров, как проводили хлебозаготовки в Хоперском округе, как хозяйничали там районные власти. Важно то, что им (незаконно обложенным) не давали документов на выезд в край или Москву, запретили почте принимать телеграммы во ВЦИК, и десятки людей ехали в Вешенскую (другой край. Северокавказский), слали отсюда Калинину телеграммы, просили, униженно выпрашивали, а оттуда лаконические стереотипные ответы: «Дело Ваше передано рассмотрение округа». Один парень — казак хутора Скулядного, ушедший в 1919 году добровольцем в Красную Армию, прослуживший в ней 6 лет, красный командир — два года, до 1927 года, работал председателем сельсовета. В этом году имел: в полторы десятины посевы, лошадь, 2 быка, 1 корову, и 7 душ семьи, уплачивал налог единый сельскохозяйственный в размере 29 рублей, хлеба вывез 155 пудов (до самообложения чрезвычайной комиссией в размере 200 пудов, в четырехкратной замене 800 рублей). У него продали все, вплоть до семенного хлеба и курей. Забрали тягло, одежду, самовар, оставили только стены дома. Он приезжал ко мне еще с 2 красноармейцами. В телеграмме Калинину они прямо сказали: «Нас разорили хуже, чем нас разоряли в 1919 году белые». И в разговоре со мною горько улыбался: «Те,— говорит,— хоть брали только хлеб да лошадей, а своя родимая власть забрала до нитки. Одеяло у детишек взяли. Просил, купить хотел, взял бы денег взаймы. «Нет,— мол, денег нам не нужно, лови четырнадцать штук курей». Вот эти районы и дали банду. А что творилось в апреле, в мае! Конфискованный скот гиб на станичных базах, кобылы жеребились, и жеребят пожирали свиньи (скот весь был на одних базах), и все это на глазах у тех, кто ночи недосыпал, ходил и глядел за кобылицами... После этого и давайте говорить о союзе с середняком. Ведь все это проделывалось в отношении середняка.

Я работал в жесткие годы, 1921—1922 годах, на продразверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти, а вот этаких «делов» даже тогда не слышал, чтобы делали.

Верно говорит Артем (Артем Веселый, с которым Шолохов был дружен с середины 20-х годов.—**Л. Б.**): «Взять бы их на густые решета...». Я тоже подписываюсь: надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина; всех, кто лицемерно, по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душит этого середняка...

Писал краевому прокурору Нижне-Волжского края. Молчит, гадюка, как воды в рот набрал. Не снисходит до ответа...»

Этот документ, почти 60 лет пролежавший в домашнем архиве, о многом говорит нам сегодня — и о времени, и о личности автора. По свидетельству Шолохова, сплошная коллективизация на Дону явилась по сути вторым этапом «расказачивания», разорения крестьянина-середняка. Напрямую он повторил эту мысль через два года в известном письме к Горькому от 6 июня 1931 года, назвав перегибы в коллективизации «в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 г.».

«Скорбя душой» при виде произвола, творимого на местах, писатель активно вмешивается в события, пытаясь дать отпор беззаконным действиям перегибщиков,— он пишет краевому прокурору, в ЦК партии, во ВЦИК, ездит в Ростовский крайком партии, выступая «ходатаем» от трудового казачества.

Без сомнения, с прямого согласия Шолохова его письмо от 18 июня 1929 г. о хлебозаготовках на Дону было передано Е. Г. Левицкой через знакомого работника Московского комитета партии в ЦК, непосредственно И. В. Сталину. Сохранилась записка Е. Г. Левицкой, приложенная к оригиналу: «Это письмо, в котором так правдиво описаны перегибы при коллективизации, было перепечатано и передано Сталину вскоре после получения его мною».

Что говорило Сталину имя 24-летнего писателя Шолохова?

Доподлинно известно, что к середине 1929 г. вождь не только слышал о нем, но и читал «Тихий Дон». Письмо Шолохова о хлебозаготовках он получил в конце июня, а 9 июля Сталин пишет Феликсу Кону свой отзыв о прочитанной книге некоей Микулиной и попутно дает оценку роману Шолохова: «Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи».

Последнее замечание Сталина насчет «изъятия из продажи» явно адресовано какому-то оппоненту, который, видимо, и проинформировал его о «никуда не годной вещи». У Сталина, прочитавшего две книги романа (а может быть, и рукопись третьей книги, когда ее изучала комиссия РАПП?), сложилось свое отношение к «Тихому Дону». Думается, ему импонировала беспощадная критика молодым писателем троцкистской политики на Дону в годы революции. Есть тут какой-то внутренний ход мыслей Сталина: «знаменитый писатель нашего времени» (такой оценки Шолохову еще никто не давал) и... «грубейшие ошибки»...

Интересный факт: сам писатель узнал о высказывании вождя о себе только через 20 лет, в 1949 году, когда вышел в свет 12-й том собр. соч. И. В. Сталина, где впервые было опубликовано письмо к Ф. Кону. Шолохов, прочитав замечание о романе, сразу же написал Сталину, спрашивая, в чем суть «грубейших ошибок» и «неверных суждений насчет Сырцова». Иосиф Виссарионович не ответил.

Несомненно, в 1929 году у Сталина возникли свои проницательные мысли насчет Шолохова. Они укрепились в нем после известной встречи с писателем на даче Горького в Красково в июне 1931 года, когда решилась, наконец, судьба третьей книги «Тихого Дона» — вождь дал свое благословение на ее публикацию, приостановленную в марте 1929 г.

В июле-августе Шолохов по-прежнему много ездит по краю, занимается разбирательством фактов беззакония, защищает безвинно пострадавших, арестованных, сосланных, лишенных хлеба и крова. Он открыто проявляет свою нетерпимость к ретивым администраторам, засевшим в партийных и карательных органах.

Прослышав о заступничестве писателя перед властями, к Шолохову в Вешенскую потянулись отовсюду посетители, и двери его дома были открыты для каждого.

На работу за письменным столом оставалось очень мало времени. В одном из писем, датированном **31 июля 1929 г.**, читаем: «...завтра мне в 3 утра выезжать в Каргинскую, есть такая станица на той стороне Дона, а сейчас 12, сижу, и перо падает из рук! Ночи короткие, и я хронически недосыпаю...»

Бывая в Ростове по делам земляков, писатель встречается с литературной общественностью, с читателями, которые спрашивают у него, когда будет напечатана третья книга «Тихого Дона». Шолохов откровенно говорит о трудностях своей работы, в частности и о такой: «Трудность еще и в том, что в третьей книге я даю показ Вешенского восстания, еще не освещенного нигде».

В августе поднимается новая волна атаки против романа и его автора. Сигналом к ней послужила статья Л. Тоома «Кулак и бедняк в литературе», опубликованная в журнале «Молодая гвардия» (№ 15, 1929). «У нас делаются вредные и ненужные попытки,— заявлялось весьма категорично,— приписать роман Шолохова к пролетарской литературе». И далее доказывалось, почему этого нельзя делать: «...все образы романа, весь его стиль будут вполне понятны лишь тогда, когда мы усвоим, что он вырос на базе крепкого, устойчивого, мощного богатого уклада верхней прослойки казачества».

Так был выдвинут главный тезис новой «вакханалии клеветы»: «Шолохов — писатель не пролетарский». Это уже посерьезнее, чем обвинение в плагиате. Это уже политический компромат — его обсуждают на партийных собраниях.

В комфракции правления РАПП пытаются сфабриковать «Дело Шолохова в МКК» на беспартийного в то время писателя. Существует протокол № 23 заседания комфракции от **6 августа 1929 года**, в котором фигурируют следующие формулировки: «идеализация кулачества и белогвардейщины», «Тихий Дон» парализует партийные документы, с коими подходишь к казаку»; роман Шолохова — это «воспоминание белогвардейца» и проч.

Высказано было предложение (на пленуме правления РАПП) «записать в своих решениях о необходимости для Шолохова переменить место жительства, переехать в рабочий район».

Но прежде чем принять окончательное решение, «вождям» РАПП (и их вдохновителям) надо было заручиться общественным мнением. Надо было убедить публику, внушить ей, что «Шолохов — писатель не пролетарский», и рапповские критики проявили инициативу—организовали в сентябре 1929 г. в Москве широкую дискуссию по роману «Тихий Дон», где прозвучали в полном наборе политические обвинения.

Далеко от Москвы и от Вешенской, в Новосибирске, в местном журнале «Настоящее» (№№ 8—9, 1929) появляется статья под таким крикливым заголовком: «Почему «Тихий Дон» понравился белогвардейцам?» Прослушав о ней, Шолохов просит своих московских друзей разыскать и прислать ему это «Настоящее», чтобы самому узнать, почему же его роман понравился белогвардейцам и почему такие вопросы возникают в далеком Новосибирске: «Очень интересно, чем же я понравился белым в освещении левых сибиряков» **(сентябрь 1929 г.)**.

А когда прочитал статью, возмутился откровенным заушательством. Оказывается, без его ведома белоэмигрантское издательство «Петрополис» напечатало роман «Тихий Дон». Статья заверяла читателей, что «Тихий Дон» понравился белогвардейцам своей «кулацкой психологией», отсутствием классового подхода и «враждебностью» к пролетариату.

Не успели в Новосибирске закончить публикацию, как **8 сентября** в Ростове в молодежной газете «Большевистская смена» появляется статья Н. Прокофьева, главное обвинение которой состояло в том, что писатель, покровительствуя якобы кулакам и церковникам, пытается отгородиться от советской действительности «ставенками собственного дома».

Возмущенный Шолохов едет в Ростов искать правду в крайкоме партии, в писательской организации.

3 октября 1929 года он пишет Фадееву:

«У меня этот год весьма урожайный: не успел весной избавиться от обвинения в плагиате, еще не отгремели рулады той сплетни, а на носу уже другая... Тебе известна статья Прокофьева в «Большев. смене», по поводу этой статьи я и нахожусь сейчас в Ростове. Со всей решительностью заявляю, что обвинения, выдвинутые против меня Прокофьевым,— ложь, причем заведомая ложь...

...После окончания этой муры я подаю в Вешенскую ячейку заявление о вступлении в партию. Говорил по этому поводу со своим сек. окружкома, тот говорит, что мы спросим у фракции РАППа, Вам придется написать на сей счет окружкому...»

14 октября Шолохов отправляет из Вешенской письмо Е. Г. Левицкой, полное боли и решимости идти до конца в защите собственного человеческого и писательского достоинства:

«Молчание мое объясняется моим отсутствием. Был в Каменской (вторично), оттуда поехал в Ростов и вот только вернулся. На меня свалилось очередное «несчастье». Не знаю, наслышаны ли Вы об этом, или нет, но мне хочется рассказать Вам. Один литературный подлец (это мягко выражаясь), сотрудник краевой комс. газеты «Большев. смена», летом был в Вешках, собрал сплетни, связав с моим именем, и после пильняковского дела выступил в газете с сенсационными разоблачениями по моему адресу... Тошно говорить обо всем этом... Из-за этого бросил работу, поехал в Ростов. Да, я сейчас послал письмо в редакцию, где категорически опровергаю эти вымышленные факты, но редакция не печатала письмо 2 недели до моего приезда. Меня автор этой гнусной статьи обвинял в пособничестве кулакам, и в уплате налога за тестя, бывшего атамана, и еще черт знает в чем. Я потребовал расследования этого дела. Правота на моей стороне! Но в данный момент важно не это: меня сознательно и грязно оклеветали в печати, мне не дали высказаться и разъяснить читателю сущность этого дела; причем очень любопытная деталь: на мой вопрос, почему редакция не напечатала моего письма,— мне ответили: «А вот расследуем и тогда напечатаем». Но почему же сказали, не расследовали, а напечатали? Евгения Григорьевна! С меня хватит!.. Откуда у меня могут быть гарантии, что через неделю, с таким же правом и с такой же ответственностью, не появится еще одна статья, которая будет утверждать, что я бывший каратель или еще что-либо в этом духе; и мне снова придется надолго бросать работу и ехать, бегать по учреждениям, редакциям; доказывать, что я подлинно не верблюд. Скрепя сердце я берусь за перо, но о какой же работе может идти речь? Со дня на день жду товарища из Ростова (члену крайкома Макарьеву, скапповцу, поручили расследовать эту чертовщину), его все нет, а грязный ком пухнет, как и тогда весной, а сплетня гуляет по краю и, может быть, проникла уже в Москву.

Вы не думайте, что я жалуюсь, нет, мне хочется рассказать Вам про обстановку, в какой мне велено дописывать 3 книгу. Я зол, чтобы жаловаться и искать утешения. Да и с какого пятерика я должен быть мягким? Мало на меня вылили помой, да еще столько ли выльют? Ого! Давайте бросим про это. У меня так накипело и такие ядреные слова просятся с губ, что лучше уж замолчать мне...»

Шолохов прекрасно понимает мотивы нового «дела» против него. Он сообщает друзьям, что «доброжелателей» у него намного прибавилось и они только ищут повода, чтобы разделаться с ним. К прежним «доброжелателям», которые боялись разоблачений за ошибки и преступления в гражданскую войну, добавились те, которым писатель крепко «насолил» в хлебозаготовительную кампанию. Ему было известно, что партийные органы и органы ОГПУ получают доносы на него, обвинения в пособничестве кулакам, в «антисоветской» пропаганде и др. Но Шолохов не предполагал, что эта новая клевета приобретет такой общественный размах и такую острую политическую окраску.

Он требует публичного расследования. Требует слова защиты в печати. Вот его письмо в редакцию журнала «На подъеме» в **октябре 1929 года:**

«Тов. редактор!

В № 206 «Большевистской смены» автор статьи «Творцы чистой литературы» Н. Прокофьев обвиняет меня в пособничестве кулакам... и в качестве иллюстрации приводит несколько «фактов»: обвинения эти лживы насквозь...

Категорически отметая это ни на чем не основанное, лживое обвинение, я требую расследования «фактов», приведенных в статье Прокофьева.

Что касается обвинений личного порядка, то я оставляю право за собой вернуться к этому вопросу после того, как будет произведено расследование».

Правление Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей провело специальное расследование.

5 ноября газета «Большевистская смена» опубликовала лаконичное сообщение СКАПП под заголовком «Против клеветы на пролетарского писателя»: «Правление СКАПП произвело расследование на месте указанных в статье Н. Прокофьева фактов и заявляет, что выдвинутые против тов. Шолохова обвинения являются гнуснейшей клеветой и при расследовании ни одно из этих обвинений не подтвердилось».

Такое же сообщение дал и журнал «На подъеме» (№ 11, 1929).

Краевой комитет партии принял по этому вопросу решение, в котором строго указывалось на то, что газета «Большевистская смена» допустила «политическую ошибку», опубликовав статью Н. Прокофьева.

Так закончилось второе «дело», организованное против Шолохова.

Заканчивался 1929 год. Писатель отдавал себе ясный отчет в том, что самая трудная борьба впереди — за третью книгу романа «Тихий Дон», за утверждение своей позиции художника, гражданина, человека.

Осенью 1929 года произошла смена редакторов в журнале «Октябрь»: ссылаясь на ухудшившееся здоровье, попросил отставку А. Серафимович, и дела ответственного редактора принял А. Фадеев. Теперь судьба третьей книги «Тихого Дона» во многом зависела от позиции нового редактора.

В декабрьском номере журнал «На подъеме» дал новогоднее сообщение своим читателям: «Тов. Шолохов Мих. заканчивает третью книгу «Тихого Дона».

Людмила БЕЛОВА.

РОСТОВ-на-ДОНУ.

● *Автор получил первые экземпляры «Тихого Дона». Станица Вешенская.*

● *М. Шолохов со станичниками. Начало тридцатых годов.*

---

* Первая книга романа публиковалась в «Октябре» в январе — апреле, вторая — в мае — октябре 1928 г. В июне того же года в изд. «Московский рабочий» отдельным изданием вышла в свет первая книга романа.

** Заведующая отделом изд-ва «Московский рабочий» в 1926—1929 гг. познакомилась с М. А. Шолоховым в мае 1928 г., когда готовилась к изданию первая книга романа «Тихий Дон».